

РАДУЛЕ СТИЙЕНСКИЙ

ван

С-80

51195

Петр Давышевич

Молодая Гвардия 1943

РАДУЛЕ СТИЙЕНСКИЙ

ПЕТР
ДЯБШЕВИЧ

Молодая Гвардия
1943

Посвящается комсомолу

А эту песню пел под гнетом скорбных
дней.
Здесь думы тяжкие, здесь боль души
моей.

Здесь вера гордая, предвестье лучших лет,
Когда над злобной тьмой восторжествует свет.
Тебе, о комсомол, отечества оплот,
Дарю мечты моей давно созревший плод.
Я славлю воинов бессмертных имена,
Чьей доблестью горда Советская страна.
Я славлю гения, чей творческий полет,
Питая мощью нас, к победе нас ведет.
Вам, Югославии отважные сыны,
Богатыри Балкан, орлы моей страны,
Вам, храбрым юношам, погибшим на посту,
Дарю я этих строф печаль и красоту.
В них ненависть к врагу, пожары, дым и кровь,
К народу сербскому горячая любовь.
И быль суровую пускай несут они
К счастливым берегам, в безгорестные дни...

ВВЕДЕНИЕ

Река ревет, кипят и плещут
И яростно грызут высокий
волны
берег,
Цветущий сад отцовский подмывают,
Грозят мой дом снести до основания
И, разливаясь по лугам прибрежным,
Теснят и злобно гонят все живое...
То не река, разлившись, зашумела,—
То налетели орды людоедов,
Крушат и режут, вешают и грабят.
Награбленной добычей нагрузились
Разбойники из Рима и Берлина
И, унося народные богатства,
Спасаются от мести справедливой.
Но беспощаден грозный гнев народа,
Остры клинки героев югославских,
Быстрее вихря боевые кони,
И душегубам не спастись от кары.
В седые волны Северного моря,
В пучину Адриатики лазурной
Мы сбросим их карающей рукою!
В тот день славянский ветер
буйнокрылый

Развеет мрак, нависший над землею,
И солнце лучезарное свободы
Взойдет над окровавленной Европой.
И соберутся гордые юнаки¹,
Наполнят кубки виноградным соком
И на альпийских пестрых луговинах
Изжарят мягкорунного ягненка.
И, возглашая здравицу вселенной,
Затянут дружно песню круговую.
Я созову друзей моих веселых
И Маргариты² свежую струею
Для них налью узорчатые чаши.
Мы вместе сыр преломим ароматный
И утолим водой целебной жажду.
Приди, мой брат, на этот пир обильный,
И для тебя на нем найдется место!

Лесня 1

Зелены на склонах лавры,
Красны розы на полянах,
Море, синее как небо,
Серебром горит на солнце.
Ночью лунною, весенней
Мать сына породила

¹ Юнаки — богатыри.

² Маргарита — название горного ключа.

И землю черногорской
Обложила пуповину:
Чтоб скорее заживала
Рана на сыновнем теле,
Чтобы с недрами отчизны
Был он связан от рожденья.
С первых дней глядел ребенок
На утесы, на долины,
Видел, как в венце из молний
По вершинам тучи бродят.
Слышал он орлиный клекот
Над лугами, над горами,
Слушал, лежа в колыбели,
Шум прилива и отлива.
Сладким соком винограда,
Соком вишен, слив, гранатов
Утолял ребенок жажду,
А когда подрос немного,
По округе начал бегать...
Словом, мальчика вскормила
Черногория родная, —
Южным солнцем опаляла,
Освежала ветром с моря.
Как дубок зеленоверхий,
С каждым часом вырастал он...

Вот Петру весна шестая
Песню звонкую пропела.
Дед повел внучонка в школу.
Стал учиться Петр наукам,

Узнавал седые были
Черногорского народа.
Вечерами жадно слушал,
Под напев отцовских гуслей,
Сказки о могучих дивах¹,
О богатырях старинных,
И в мечтах себя он видел
Победителем дракона,
Он водил полки в сраженье,
Упивался громом битвы.
Днем из ясеня тугого
Мастерил он лук и стрелы
И лихого супостата
Вызывал на поединок.
Голубей гонял с друзьями,
По стволам шелковиц лазал...
Но всему конец приходит—
Годы детства пролетели,
Игры детские забыты...
Петр в гимназии учился,
Пристрастился к мудрым книгам
Увлекался лыжным спортом,
Плаваньем, метаньем диска.
Постепенно возмужал он.
И, созрев умом и сердцем,
Он осмелился однажды
Выступить на сельской сходке,
И людей увлек он словом.

---

¹ Д и в ы — сказочные духи.

Шла о нем молва по свету:
Мол, у Дабшевича сын-то
Говорит—как будто пишет!
В героической Цетинье¹,
В Бельведере², пред народом
Через год с большою речью
Юный выступил оратор.
Громозвучными словами
Он разил контрашей³ подлых,
Захребетников народа,
Злых предателей отчизны.
Раскрывал их лисьи козни,
Кары требовал суровой.
И сказали все, кто слышал:
— Это будет вождь народный!

Стал красив он, точно вила⁴,
Стройный и широкоплечий,
Дружелюбно был он встречен
Восемнадцатой весною.
А когда промчалось лето,
Он в Белград свой путь направил,
Чтоб в столице обучиться
Слову правды и закона.
И к поре, когда увидел
Он весну двадцать вторую,

---

¹ Цетинье — столица Черногории.

² Бельведер — скалистое плато над Цетинье, служащее местом общественных сходок.

³ Контраши — черногорские фашисты.

⁴ Вила — мифическое существо в сербских народных песнях и думах.

По стране гремела слава
Молодого адвоката...

В годы те на Пиренеях
Затевалось злое дело:
Точно бешеные волки,
Шли проклятые фашисты,
Чтоб испанскому народу
Перегрызть клыками горло...
Мирную оставив славу,
В бой кровавый Петр помчался,
Чтобы с лучшими из лучших
Защитить народ испанский,
Чье святое дело стало
Делом доблести и правды,
Делом чести всех народов.
Там он бился вместе с храброй
Черногорской молодежью,
И немало враг изведal
Сокрушительных ударов
От руки юнаков смелых...

...Поднялась румяная зорька,
Горизонт огнем окаймила,
На утесы, на снежные вершины
Устремила золотые копыя.
Вышла дня величавая царица
В синей мантии, в солнечной короне,

На престол лазоревый воссела,
Мир наполнила радостью и светом.
На планине, на пестрых луговинах,
Что повыше Подгорицы¹ славной,
Там, где Рыбницы² прозрачный источник
Разливается холодными струями,
Там, где родина прекрасной Джурджины,
Там, где мать Петра провела свое
детство, —

Собрались и водят хороводы
Черногорские девушки и парни.
Кто ж из девушек всех скромней и лучше,
Кто красивей всех в хороводе?
Белогрудая лебедь молодая,
Ласковая красавица Джурджина.
Первый в хороводе — Петр Дабшевич,
Добрый молодец из горной Цетинье.
Он высок, как сосна в ущелье,
Он могуч, как ясень прибрежный,
Черен ус и белы его зубы.
Вязаная шелковая свитка
Вышита славянским узором.
И на нем черногорские халины³,
Красноверхая плоская шапка.
В двадцать третью весну он вступает,
Расцветая мужеством и силой.
Вот запел он, и парни подхватили,
Хороводную грянули песню.

¹ Подгорица — город в Черногории.

² Рыбница — название источника.

³ Халины — то же, что доломан — род верхней одежды.

Ну-ка, станем дружным кругом!
 —Что, пойдет иль не пойдет?
 Веселей, друзья,—пойдет!
 Начинайте друг за другом,
 В пляс веселый выступайте,
 Заводите, запевайте,
 Славный будет хоровод!

Наш народ не знает плена.
 Веет юная весна,
 Расцветает вся страна!
 Будем славить неизменно
 Наши скалы, наши воды,
 Знамя гордое свободы,
 Смелых предков имена.

Богатырским выйдем боем!
 —Что, пойдет иль не пойдет?
 Веселей, друзья,—пойдет!
 Слава доблестным героям!
 Что мы любим, чем владеем,
 Не достанется злодеям,—
 Выступай, наш хоровод!

* *
 * *

Так поет черногорское коло,
 В небе горы голубые трепещут,
 Поднимаются в воздух испаренья,
 Пригревает апрельское солнце.

¹ К о л о — хоровод.

Неожиданно загрохотало небо,
Словно буря, поднялась от Ядрана¹,
Прогудело эхо за горами.
Что за притча? Никогда доньше
Не бывало грома в ясном небе!
То не гром, — то фиаты грохочут,
Словно черные коршуны несутся.
Пролетели над страной цветущей
И, где Рыбница вливается в Морачу²,
Где родился сербский царь Неманя,
На Подгорицу, на город старинный,
Смертоносные сбросили бомбы.
Оборвалось коло, замолчало,
Хоровод веселый прекратился...
Петр Дабшевич возвысил громкий голос.

ПЕТР

Дорогие братья и сестры!
На родную Черногорию нашу
Лютые фашисты напали.
Нас хотят они сделать рабами,
Уничтожить народ наш прекрасный,
Запретить нам веселые песни...
Мирной жизни конец! Забудем
Хороводы, пиры и свадьбы.
Станем биться за нашу свободу!

---

¹ Я д р а н — Адриатическое море.

² М о р а ч а — название реки.

И народ загудел, точно улей,
Пестрая толпа заколебалась,
А Джурджина к Петру приникла,
Богатырской руки не выпускает,
И Петру в глаза она смотрит,
А лицо закрывает шалью,
Чтоб народ не увидел любопытный,
Как зарделась она нежнее розы.

ДЖУРДЖИНА МИЛЕНКОВИЧ

Что же будет теперь, мой милый?
Ты ведь знаешь мое желанье...
Стать женою твоей я хотела,
Дорогим назвать тебя мужем.
Но внезапно ушло мое счастье,
Улетело крылатою птицей...
Ты винтовку возьмешь боевую
И пойдешь, покинув невесту,
В лютый бой с проклятым душманом¹.
Ты забудешь свою Джурджину.

ПЕТР

Нет, Джурджина, слушай и помни:
Что юнак обещал—святыня.
Ни штыки, ни снаряды, ни пули,
Ни глубокие реки, ни горы,
Ни моря, ни леса, ни равнины,
Ни тюрьма, ни коварство людское
Разлучить нас отныне не смогут...

---

¹ Душман — враг.

Из толпы, опираясь на посох,
Вышел старец, годами согбенный,
И промолвил, к Петру обращаясь:

ЧЕРНОГОРЕЦ

Что ж оставил ты нас, Петр Дабшевич?
Иль не знаешь, что время не такое,
Чтобы с милой девушкой шептаться?
Я пришел говорить с тобою,
Как посланец черногорского народа.
Ты ведь запевала нашего хора,
Предводитель нашей молодежи,
Ты с фашистами в Испании бился,
Защищал бастионы Мадрида,
Шрам над бровью твоею—свидетель
Твоего военного искусства.
Так найдется ли кто-нибудь достойней,
Чтобы стать вожаком народа?
Лютый враг на нас напал сегодня,
Уничтожить нас хотят душманы,
Всех мужчин казнить позорной казнью,
Дочерей и жен угнать в неволю,
Сжечь детей и стариков живыми,
Истребить народ и вырвать с корнем,
Чтоб навеки стерлось наше имя,
Надругаться над землю нашей.
А тебе дано природой много,
Так с тебя и спросится немало.
Встань, юнак, веди дружины в битву!

Враг уже переступил границу,
Не одно селенье разорил он,
Не один уже разграбил город.
Что в ответ ты скажешь, Петр
Дабшевич?

Глянул Петр горящими очами
На людей, молчавших в ожиданье,
На суровые лица черногорцев.
Поднял голову, тряхнул кудрями.

ПЕТР

Враг ворвался в наш сад цветущий,
Хочет дом наш родной разграбить,
Надругаться над нашей отчиной.
Не получит он нашего хлеба,—
Он получит камень гранитный.
Не вина от лозы черногорской,—
Черной крови своей он напьется.
Не казнит он мужчин черногорских,
Не угонит женщин в неволю,
Не заставит девушек наших
С ним возлечь на проклятое ложе.
Нет, разбойника мы обвенчаем
С черногорскою острою саблей,
Наши черные скалы повесим
На его разбойничью шею
И в глубоком бурном Ядране,
В Адриатике синей утопим.
Пусть узнает фашистская свора:

Не легко покорить славянина!
Мы могилы священные предков
Защищать оружием будем,
И покуда серб, хоть единый,
Хоть один на земле черногорец
Жив и дышит и ходит по свету,
Будем лютого бить супостата!
И покуда стоит Россия,
Наша мать и сестра родная,
Не надеть нам рабские путы,
Не бывать славянину под немцем!
Так ступайте же в горные гнезда
Все, кто слаб и сражаться не может.
Остальные—берите оружие,
Со стены снимайте винтовки,
Собирайтесь в большую дружину.

Попрощался он с милой Джурджиной,—
Друг на друга взглянули безмолвно...
«Там, в горах, мы увидимся снова...»
Прошептала тихо Джурджина.
«Да, а после юнацкой победы,—
Молвил Петр, отвечая любимой,—
Мы сыграем веселую свадьбу!»

И как птица могучая—беркут,
Как хохлатый орел сизокрылый,
Он помчался, не медля ни часу,
К многославному граду Медуну.

Лесня 2

Спешит юнак, не замедляя шага,
Минует он долины и нагорья,
Спешит средь виноградников
зеленых,

Среди садов, цветущих белым цветом.
Повсюду он беседует с народом,
Оповещает о беде великой.
И от горы к горе перекликаясь,
На громкий голос отвечает голос.
И весть летит от дома и до дома,
С утеса на утес перебегает,
Чтоб каждый знал о том, что совершилось,
Что наступили дни борьбы священной.
Среди деревни, под косматым дубом
Сошлись держать совет великий старцы.
Они решили: утром, на рассвете,
Все, кто недужен, слаб иль стар годами,
Должны уйти в свои родные горы.
И вот в пещерах, на лугах окрестных
Свое добро закапывать все стали,
Чтоб ничего злодеям не досталось,
Чтобы земля народное богатство
От хищников фашистских охраняла.
А там народ скотину угоняет,

Мычат коровы, громко блеют овцы...
Спеша уйти от ворогов проклятых,
Торопятся напуганные люди...
Великое народ постигло горе!..
И хочет Петр пойти к святому месту,
К твердыне той, где Марко спит Милянов¹,
Чтоб преклониться пред великим прахом.
Сойдя с коня, идет, спешит он к замку.
Все спит кругом в торжественном
молчанье.

И всходит он по каменным ступеням
В старинные высокие покои,
Где пировали витязи когда-то,
Где красное вино лилось рекою
Под звон бокалов и под звуки песен,
Где ныне одинокая могила—
Единственный свидетель прошлой славы.
Два родника струятся из-под раки,
Стоит над гробом дуб широкошумный.
Остановился Петр, мечтаний полный,
Он думает о жизни и о смерти,
О быстролетной смене поколений...
А солнце поднялось уже высоко,
Туман растаял, и открылись горы.
Уже нагрелся воздух ароматный,
Звонят неумолкаемо цикады,
Но ясно слышен в тишине прозрачной

---

¹ Марко Милянов — литератор и политический деятель XVII века.

Далекий гул фашистских самолетов,
Тяжелых танков рев и грохотанье,
Зловещий грохот дальнобойных пушек.
И подошел к могиле Марко Петр,
Он преклонился пред великим прахом
И попросил себе благословенья,
Чтоб Марко дух юнацкий укрепил в нем,
Чтоб силу богатырскую устроил,
Помог Петру сражаться за отчизну
И отстаять народную свободу.
Стоит юнак перед могилой Марко
И думает о родине прекрасной.
Он думает о темном, старом дубе,
Ветвистом исполине, под которым
Веками деды на совет сходились,
А молодежь водила хороводы.
Он вспоминает сад, и дом отцовский
С лозою виноградною у входа,
И пасеку, где собирали пчелы
Тот мед, которым мать его кормила.
Нет, никому он не отдаст все это!
Никто его отчизну не похитит,
Никто рукой кровавой не задушит
Свободу Черногории святую!
И молча Петр спустился на дорогу,
Где конь его привязанный остался,
Вскочил в седло, ногой не тронув
стремля,
И поскакал, перегоняя ветер.

Все многолюдней беженцев потоки.
Скрипят арбы, мычат коровы глухо,
С трудом бредут навьюченные мулы,
В смятенье блеют овцы и бараны,
Кричат мужчины, и, качаясь в торбах,
Испуганные дети громко плачут.
Их женщины напрасно утешают...
И, видя горе родины прекрасной,
Петр запекает песню боевую,
Чтоб мужеством, и яростью, и верой
Зажечь сердца смятенного' народа.
И песнь его несется над толпою,
Перекрывает шум людской и крики.

Над морями, над горами
Солнце яркое блестит,
Перелетный ветер свищет,
В небесах орел парит.

Не орел—юнак могучий,
Залетевший в вышину,
Озирает с горной кручи
Черногорскую страну.

Горы дымкою повиты,
Дышит радостью земля,
Дремлют серые граниты,
Зреют желтые поля.

Он шагает по вершинам,
Переходит реки вброд,
Кличет голосом орлиным
Богатырский свой народ.

За святую вольность дедов
Поднимайтесь на войну!
От проклятых людоедов
Защитим свою страну.

Самолет, пари на страже,
Штык, рази и, пуля, бей!
Против лютой силы вражьей
Поднимайся, не робей!

Над морями, над горами
Солнце яркое блеснит.
Черногорию родную
Подлый враг не покорит!..

Вот предгорий беженцы достигли,
Вышли на зеленую поляну,
Вкруг холодного чистого колодца
Табором раскинулись печальным.
Скот усталый кругом разлегся,
От костров потянуло дымом...
Из-за гор неприступных албанских
Беззаботный выглянул месяц.
Ветер горный повеял с востока.
Пала ночь, леса зашумели,
Загорелись на небе звезды...
А когда просияло утро,
Петр пошел обратною дорогой,
Скакуна быстрого оставил,
Не надел боевое оружие,
Только взял кинжал закаленный.

Но пешком он несется, как на крыльях,
С глыбы каменной прыгает на глыбу.
На румяном полотне небосвода
Голубые нарисованы горы.
Высятся широколиственные буки,
Точно в храме узорные колонны,
И зеленое на них играет пламя,
Тонкий лист просвечивает на солнце.
Входит Петр в дремучую чашу,
По тропинке нехоженной шагает,
Напевает юнацкую песню:

Солнце красное встает.
Сердце радостно поет.
Зацвели цветы в долине,
Снег растаял на вершине,
С темных гор бежит поток.
Жалок тот, кто одинок.
Счастлив, кто с подругой нежной
Шел дорогой безмятежной.
Дважды счастлив, кто в борьбе
Дал отпор слепой судьбе.
Трижды счастлив будет в жизни,
Кто помог своей отчизне,
Кто за родину в бою
Смело пролил кровь свою!

Воздух—словно молоко парное,
Светит солнце, нагревая землю,
Петр выходит на опушку леса,—
Перед ним широкая поляна.

Птицы свищут, распевают песни,
От цветов струятся ароматы...
Но вдали, над светлыми горами,
Грозовые тучи нависают.
И подумал Петр с тоской и гневом:
«Так над нашей вольною землею
Смерть и горе лютое нависли...»
И сильнее в нем забилося сердце,
Загорелось жаждой правой битвы.
Облака свинцовые клубятся,
Потемнело, теплый дождь закапал,
Прилетел крылатый ветер с юга,
Гром ударил, молния сверкнула,
Точно дыня, расколосось небо.
Но не семечки посыпались на землю —
Зачастили капли дождевые.
И внезапно полыхнуло небо,
И в огромный дуб, неподалеку,
Молния ударила стрелой,
Расщепила ствол его могучий,
Чтобы старый вспыхнул, как лучина,
Чтобы небу в пояс поклонился,
Чтобы знал он, что земля-старуха
Не старей и не сильнее неба...
Дождь прошел, и пал туман на землю,
По тропам пополз и по дорогам,
В каждую заглядывая щелку,
Как змея, что рыщет подле дома,
На обед разыскивает яйца.
В двух шагах уже ни зги не видно.

Петр спешит скликать дружину к битве
Сквозь туман пути не различает,
Занят он одной единой думой,
Мысленно врага он поражает...
Вдруг он слышит окрик непонятный.
«Хальт!» пролаял чей-то хриплый голос,
Двадцать три винтовочные дула,
Двадцать три штыка кругом блеснули.

ПЕТР

Вы чего хотите? Кто такие?

ОФИЦЕР

Сам ты видишь, кто мы и откуда.
Ты-то кто, скажи нам, проходимец?

ПЕТР

Сын я черногорского народа.
Сам чабан и сын и внук чабанский..
А зовусь Пилетичем Николой,
Но чего вы от меня хотите
И какой вы требуете службы?

ОФИЦЕР

Если ты чабан и сын чабанский,
Покажи нам, где стоянка ваша.

Петр молчал, а про себя он думал:
«Если нет оружия—руки пусты,
А пустые руки—ровня мертвым.
Но зато бестрепетное сердце
Крепче закаленного оружия.

Если твой не помутился разум,
Ненависть придаст ему коварство..
Нет исхода: надо подчиниться!..»
Петр идет, как будто покорился,
Будто хочет услужить фашистам.
Думают проклятые контраши,
Что поймали в сети простофилю.
И за ним шагают, как бараны,
По тропинкам горным, непроезжим.
А юнак здесь никогда и не был,
Он пути не знает в этих дебрях.
Он ведет их по ущельям в горы,
Где стоят албанские дружины.

День, слабея, клонится к закату,
Сизой мглою дали затянуло.
Вот чужие хижины он видит,
То селенье храбрых арнаут¹.
Пес лохматый, выскочив, залаял,
Арнаут им выглянул навстречу.
Он в албанском пестром одеянье,
С расписной обрезанной винтовкой.
И, увидев, что идут фашисты,
Мигом приложился он и грянул.
Офицер фашистский повалился,
А на выстрел тотчас прибежали
Боевые братья, арнауты,
Кинулись в атаку на душманов.
Завязалась яростная битва.

---

¹ А р н а у т — албанец.

А Петру лишь этого и нужно.
Выхватил свой нож он засапожный
И вонзил его бандиту в сердце,
Вырвал у злодея парабеллум,
Расстрелял десяток супостатов,
Остальных доби́ли арнауты.
А когда покончили с врагами,
Петр пошел в албанское селенье,
Хлебом, солью и вином зеленым
Утвердил с албанцами он дружбу.

Только тот, кто знает горечь плена,
Ценит счастье золотой свободы.
Только тот, кто вкус любви изведал,
Знает боль томительной разлуки.
Юность силы придает юнаку,
А любовь зовет и окрыляет,
И в ночи звездою путеводной
Светит образ ласковой Джурджины...
Чутким ухом слушает он полночь,
Трав росистых шелесту внимает.
Зверя юный витязь не боится,
Не боится встретиться с врагами...
Посветлел восток, зарей зарделся,
Пред юнаком, как большая карта,
Вся земля родимая простерлась.
Вон в долине прыгает Морача,
Зета¹ блестяет россыпью жемчужной,

---

¹ З е т а — название реки.

Ловчен¹ встал над мглою дымно-сизой,
Будто знамя, поднялся до неба.
Что же там, внизу, грохочет тяжело?
Почему, как облака на небе,
Тучи пыли над землей клубятся?
То идут фашистские колонны,
Гонят скот и пленных пред собою.
Горе, горе лютое приспело!
Что-то будет с родиною милой?
Смотрит Петр, и сердце в нем трепещет,
Побледнел от боли он, от гнева.
Как потоп, нахлынули фашисты,
Саранчою жадной налетели,
Грабят, жгут, насилуют и режут,
Словно скот, народ согнали в лагерь,
Проволокой частой окружили
И солдат поставили на страже...
Горе, горе лютое стряслося!
Мать Черногогория родная,
Чей сапог тебя, седую, топчет?
Пришлецы из Рима и Берлина
Душат нашу вольность золотую.
Бьешься ты под сапогом немецким,
Точно рыба на песке прибрежном;
Стонут горы, жалуются рощи,
Покраснели все поля от крови...
Чу!—с вершины Ловчена гранитной
Мощный голос Негуша² несется.

---

¹ Л о в ч е н — название горы.

² Н е г у ш — сербский поэт начала XIX века.

Вставайте! Пора уничтожить тирана!
 Вставайте, друзья мои, время пришло!
 От гордых Карпат до побережий Ядрана
 Вставайте, славяне, на ратное дело!

Я слышу, как ропщут славянские реки,
 Как стонут Морача и Зета в печали.
 Ни Дон, и ни Днепр, и ни Волга вовеки
 Рабами не станут, как прежде не стали.

Поют наши трубы в кровавом тумане,
 Им вторят и небо, и земли, и воды:
 Вставайте на грозную битву, славяне,
 На славную битву за дело свободы!

Нас Дабшевич кличет, орел сизокрылый,
 Чье гордое сердце свободно и смело.
 Мы ринемся в битву несметною силой,
 Вставайте, славяне, на славное дело!

Сверкают утесов гранитные латы,
 Меч прадедов грозно простерся над нами,
 Изведают правый наш гнев сѹпостаты,
 Вставайте, славяне, на битву с врагами!

Лесня
3

Словно роза, расцветшая в апреле,
Сорванная жадною рукою,
В лагерь пленницей попала Джур-
джина, —
В смрадный лагерь, над городом Тузой.
Кровожадные фашистские звери
В это логово красавицу загнали,
Чистую, как солнечное утро,
Ясную, как утреннее солнце.
А была она красою всей округи,
Радовала мать свою, вдовицу,
Няньчила своих сестер и братьев,
Деду старому была она опорой.
Ныне скорбь в ее глазах потухших,
Побледнел, поблек ее румянец,
Черной думой омрачилось сердце,
Черной тьмою жизнь ее покрылась.
Людоеды, подлые фашисты,
Всю родню Джурджины перебили,
Дом сожгли, срубили сад отцовский,
Виноградник тучный потоптали...
Смерть по Черногории гуляет,
В деревнях умолкли хороводы,
Стон и плач страну заполонили,

И, подобно виле солнцеликой,
Потерявшей радужные крылья,
Черногория оделась в траур.
И Джурджина в лагере немецком
Бродит средь больных и полумертвых,
Заживо закопанных в могилу.
«Где отцы, испытанные в битвах,
Где ж седые деды, черногорцы,
Где орлы — их внуки молодые?
Петр, возлюбленный, услышь меня,
откликнись!»

Но отцы порубаны врагами,
Партизанят внуки по ущельям,
Удалились деды на вершины,
А Петра не видно и не слышно...
«Как бежать мне, — думает Джурджина, —
Чтобы мстить душманам ненавистным?»
За плетнем колючим караульный
Ходит, ходит мерными шагами.
День и ночь приводят новых пленных,
А на волю мертвецов уносят...
Остается только жить надеждой,
Твердо верить, что святая правда
Победит фашистскую неправду,
Что палач коричневый погибнет,
Сокрушенный громом справедливым.
С неба звезды падают на землю,
Золотыми копьями несутся,
Пролетают в сумрачные дали,
Шепчутся, заводят хороводы.

Скоро месяц новый народится,
Заблестает в бездне темносиней,
Тихим сном овеванную землю
Оплетет лучистой паутиной.
А кругом — кровавый лагерь смерти...

Чутким ухом слушает Джурджина,
Смотрит в полночь напряженным
взглядом:

Не торопится ли Петр на помощь,
Не ведет ли храбрую дружину?
Дремят лавры, черные гиганты,
Бродит шум и шорох по долине.
Вот огонь блеснул и вмиг погаснул --
Или это чудится Джурджине?..

Нет, никто к ним не идет на помощь.
Все молчит... Бездомный ветер плачет,
И о берег тихо плещут волны,
Глухо стонет раненый от боли.
Бродит немец, бродит мерным шагом,
Да порою лязгает винтовка.

И поникла в горести Джурджина
И запела горестную песню...

«Всем людям светит месяц во мгле.
У каждого счастье есть на земле.
О, если б и мне золотое светило
Минувшее счастье мое возвратило!
Надвинулись тучи, сгущается мрак,
Приди, мой любимый, мой смелый юнак!

Веди на врага боевую дружину,
Спаси от позора свою Джурджину!..»

Кликнул клич по горам Петр Дабшевич,
И собрал он дружину удалую —
Цвет и славу горской молодежи,
Ловченскую первую бригаду.

Окружили ночью Цетинье,
А когда заря заблестела,
Сузилось кольцо вокруг фашистов,
Как аркан, захлестнутый вокруг шеи.

На длину копья над горизонтом
Поднялось сияющее солнце,
И тогда на штурм пошли юнаки,
Ворвались в родную столицу.

Первым делом Дабшевич очистил
От фашистской нечисти город,
Расстрелял изменников народа —
Подлых лизоблюдов итальянских.

День провел он в городе любимом,
А под вечер построил дружину.
Шли всю ночь и еще до рассвета
Гору Кокоты взяли без боя.

Отдохнуть не дал он дружине,
На рассвете пришпорил вороного,
Вброд прошли через бурную Морачу,
Полетели по Чемовскому полю¹.

Сыпят искры конские копыта,
Как зенитка — светящиеся пули,

---

¹ На Чемовском поле неоднократно в истории черногорского народа происходили решающие сражения с захватчиками.

Плещут гривы конские по ветру,
Словно в бурю волны на Ядране.
Вот в тумане прошли Голубовцы¹,
Миновали мосты и караулы,
Проскакали меж седыми тополями,
Меж садами, обрызганными росой,
Обошли виноградники осторожно,
Обогнули Шеповицкую башню²
И к немецкому лагерю подкрались, —
Так искусно подкрались юнаки,
Что травинка ни одна не шелсхнулась...
Вражий лагерь раскинулся широко.
Спят враги, опасности не чувят...
Кое-где лишь бродят часовые,
И ни звука не слышно над равниной,
Только ноющий звон комариный.
Смотрит Петр в бинокль запотевший,
Видит, зыблются белесые волны,
Точно море, ходят пред очами,
Закрывают логово вражье.

Вот он спрыгнул на землю с вороного
И подкрался поближе к караулу.
В этот миг посветлело на востоке
И проглянула румяная зорька.
Он увидел внезапно Джурджину, —
Краше солнца она ему явилась.
Словно шелк — расплетенные косы,
Словно звезды — ясные очи.

---

¹ Голубовцы — большое селение.

² Шеповицкая башня — крепость на Чемовском поле.

Но лицо усталое бледно,
Точно месяц в осеннем тумане.
Видел Петр, как его Джурджина
На долину смерти глядела,
Озирала сумрачные горы,
Еле видные в дымке предрассветной.
Слышал, как тихонько напевала...
Разобрал он лишь конец ее песни:
«Дай мне быть своей судьбы владыкой».
Задрожала от скорби грудь юнака,
Подал знак он началу боя.
Дружный залп раздался по долине,
Гулким эхом прогремел в ущельях.
Вспугнутые птицы закружились,
Дрогнули утесы на вершинах.
Тут юнаки закричали: юриш!¹
И Джурджина, грозный клич услышав,
На ноги вскочила, словно серна,
И Петра внезапно увидела, —
На коне горячем гарцовал он.
И, раскинув радостно руки,
Как орлица молодые крылья,
Звонко закричала Джурджина:
«Эй, вставайте, братья черногорцы!
Славный Петр Дабшевич явился,
Нам несет он радость и свободу».
Собрался народ вокруг Джурджины.
Скачет Петр к своим друзьям и братьям,
Саблей острой на скаку играет,

---

¹ Ю р и ш — ура.

Так и пляшет конь его горячий.
Оглядел толпу орлиным взглядом, —
Видит — старцы, женщины и дети —
Все измучены неволей тяжелой,
Жалостно глядеть на них и больно...
А уж бой кончается недолгий,
Партизаны вытирают сабли.
Петр и слова не успел промолвить,
А уж песню грянули юнаки.

ПАРТИЗАНСКОЕ КОЛО

Эй, юнак, бери ружье,
Цель в немецкое зверье!
Бей, гони, коли, топчи,
Чтобы взвыли палачи,
Чтоб фашистский лютый волк
Шкурой выплатил свой долг,
Чтоб закаялся вперед
Нападать на наш народ.
Партизанский плещет стяг,
Удирает подлый враг.
Смерть фашистам! Близок час.
Петр ведет к победе нас!..

ПЕТР

Кто помощи ждет
и от смерти таится,
Напрасно надеется
выиграть время.
Достойный свободы
врага не боится,

Он выхватит саблю
и ринется в стремя.
Рабы остаются
до гроба рабами,
Свободному
гибель от пули милее.
О, сестры и братья,
победа за нами!
Снимайте с врагов
боевые трофеи!
Так промолвил Петр и, повернувшись,
Обратился ласково к Джурджине:
«Здравствуй, мое солнышко, Джурджина,
Ты сегодня, верно, загрустила,
Потеряла на Петра надежду?»
джурджина
Нет, любимый,
я не грустила,
Не колеблясь,
друга ждала.
Верю я, —
велика твоя сила,
Тверже вера моя,
чем скала.
Ты — защитник
народной свободы.
Лишь скажи мне —
я буду с тобой, —
Как ходила
водить хороводы,

Так пойду

и в губительный бой.

Подошла к юнаку Джурджина,
Плечи обвила ему руками,
Не стыдясь, к любимому прижалась
На глазах у всей толпы безмолвной.

ПЕТР

Ну, спасибо, милая, за ласку,
Если таково твое желанье, —
Раздели со мною жребий ратный,
Чтобы вместе быть нам до могилы!..

И благословение народа
Пронеслось над ними тихим гулом...

Вот от моря тучи налетели,
Заклубились, черные как сажа...
Гром гремит, как будто бьются
танки,

Золотые копыя зазмеились,
Трижды в старый разветвленный тополь
Молния ударила стрелою.
Вот потоком мощным хлынул ливень,
С неба хлещет, словно из ушата,
Словно стало морем все пространство

От земли до туч седобородых.
Не страшась разящих стрел небесных,
Богатырь во весь опор несется,
Скакуна к Петру он направляет.
Спешное посланье из отряда
Он привез отважному юнаку.

Минул час — гроза прошла бесследно.
В небе утро светлое сияло,
Улыбаясь ясною лазурью.
Плещут белогривые потоки,
Цевна¹ вздулась над гранитным руслом,
Показались темные вершины,
Семицветный мост над ними вырос.

Вкруг Петра уже народ толпится, —
Хочет знать, что сказано в посланье.
А юнак, пока гроза гремела,
Прочитать успел уже посланье.
И нахмурил он густые брови, —
Видно, принял грозное решение,
И сказал народу громогласно,
Чтобы стар и млад его услышал.

ПЕТР

Вам скажу я, братья черногорцы,
Вам скажу я, сестры черногорки,
Слушайте и молодой и старый,
Слову громовитому внимайте.
Пусть увидят все на свете страны,
Пусть узнает все славянство мира,

¹ Цевна — название реки.

Как бесстрашны братья черногорцы,
Как за честь и вольность умирают,
Как свои селенья очищают
От злодеев, от гадюк фашистских.
Наша кровля — древний свод пещеры,
Тучный сад наш — каменные горы,
Наше солнце — вечная свобода.
Повторяйте клятву вслед за мною:
«Славянка-мать меня родила,
Славянским свивальником повила,
В кремневой люльке меня качала,
Славянским песням меня обучала.
Клянусь не позорить отцовский меч,
Клянусь заветы предков беречь,
Клянусь, покуда грудь моя дышит,
И глаз мой видит, и слух мой слышит,
Сражаться за землю, за отчий дом,
За песню славянскую биться с врагом.
И если я дрогну и клятву забуду,
Пусть родиной предан позору я буду,
Пусть сад мой увянет, не дав ни плода,
Пусть имя сотрется мое без следа,
Пусть ворон мой труп расклюет средь
пустынь.

Да будет так, мои братья! Аминь!..»
А когда молодой и старый
Боевую клятву повторили,
Петр промолвил им такое слово:
«Весть плохую получил я ныне.
Враг идет на нас несметной силой,

Проучить должны мы супостатов, —
В богатырский бой вас поведу я.
Мы должны пробиться в наши горы.
Там, поближе к небу голубому,
На родных заветных луговинах,
Мы исполним пламенную клятву.
Завтра быть последней нашей битве.
Все за мной, на Чемовское поле!»
И покуда речь свою держал он,
Заклубилась пыль над горизонтом,
Показалось вражеское войско.
Петр засел в канаве придорожной
Со своею храброю дружиной.
Притаились, точно неживые,
Ждут, когда приблизятся фашисты.
Вот идут, уже видны их лица,
Ляскают щербатыми зубами,
Очи красны от вина и крови,
На ходу качаются от хмеля.
Думают — сробели черногорцы,
Спрятались, как раб от господина...
Черногорцы молча выжидают,
Ждут в засаде выгодной минуты...
С каждым шагом враг подходит ближе, —
И настала грозная минута.
Крикнул Петр, поднявшись из засады:
«В бой, богатыри страны гранитной!»
Если б кто увидел черногорцев
В этот день великой, страшной битвы, —
Как их пулеметы затрещали,

Как гремели мины и гранаты,
Как взметнулись камни тучей к небу,
Как Джурджина, нежная Джурджина,
Вихрем буйным кинулась в атаку,
Вынув саблю правою рукою,
Левой кверху поднимая знамя!..

Много битв я видал в этот год роковой.
Помню я на кровавом снегу под Москвой
Горы трупов, обломки орудий,
Танков остовы, приторный запах гнилья,
Над полями пронзительный крик воронья.
Помню я, как пылала костром Верея,
Как сражались советские люди.

Видел села, где жег и насиловал враг,
Трубы, к небу поднявшие черный кулак;
Видел трупы на каждой осине,
Груды зданий сожженных, где ветер

свистел,

Ржавый лом и куски человеческих тел,
Прах и пепел погибшей Медыни;
Видел лютые зверства кровавой орды,
Меж руинами — виселиц черных ряды,
Грабежей и насилий живые следы.

Но видал я, видал и другое:

Ленинграда твердыню, и Волгу, и Дон,
Сталинград, где бежал без оглядки

тевтон,

Где врага разгромили герои.

И не мне их прославить достойной

хвалой, —

Там Россия стоит нерушимой скалой,
Только стиснула зубы от боли,
И наносит удар за ударом врагу.
С этой битвой великой сравнить я могу
Только битву на Чемовском поле.
Кровь ворочала камни, как Цевна челны,
Бились там Черногории славной сыны,
Русских воинов славные братья.
Да гремит же их слава во веки веков,
Да постигнет проклятье свирепых

врагов —

Всей земли, всех народов проклятье!..

Между тем трусливые фашисты
Подтянули свежие резервы...
Петр сказал своей дружине смелой:
«Нам в бою не одолеть проклятых,
Так пускай нам помогает хитрость.
Часть из вас пускай уходит к лесу, —
Там в пещерах, близ реки, укройтесь
И с собою в укрытие возьмите
Всех, кто ранен в этой страшной битве.
Остальные на коней посядут
И поскачут к озеру со мною.
Враг подумает, что мы испугались,
Что теперь он нас легко поймают,
И за нами пустится в погоню.
А куда врага мы отвлекаем,
Те, кто скрылись в кустах и в пещерах,
Тихо выйдут потайной тропой
И уйдут в родимые горы.

Мы же сядем в рыбацкие лодки,
И коней мы к лодкам привяжем,
А едва отплывем подальше,
Мы коней отпустим на волю,
И они вернутся на берег.
А душманы коней увидят
И подумают, что все мы погибли!»

Плещут волны неистойой Морачи,
Громоздятся, сшибаются и воют,
Точно стая невиданных чудовищ...
Партизаны к берегу подходят,
Каждый прыгает в двухвесельную
лодку

И коня привязывает сзади,
А последними с берега сходят
К быстрым лодкам Петр и Джурджина.
И, отплыв на лодках, партизаны
Отвязали коней своих верных
И погнали их обратно на берег.
Не один испытанный воин,
Расставаясь с другом, прослезился.
Налегают витязи на весла,
Спорят с бурей и яростным теченьем.
И сказал тогда Петр Джурджине:
«Так и жизнь — словно лодка в
непогоду...

Если ты не ведаешь страха,
Если борешься с неистойой бурей,
Победишь — и узидишь солнце!..»
Вот выходят на берег юнаки,

Суторман¹ встречает их, как братьев,
Ловчену-горе передает их,
Ловчен их к Дурмитору седому
Провожает темными тропами,
А Дурмитор Ком-горе высокой
Их вручает, как друзей бесценных,
Где могучей Ком-горы вершина
Сторожит юнацкую свободу,
Чтоб народ юнацкий, черногорский
Не страдал под вражеским игом.
Там пристал с дружиной храбрый Петр.
Там, где встали Стийена и Овруч
Неприступным поясом гранитным,
Где пестреют их крутые гребни
Шелковистой пышною травой,
Окаймившей темные пещеры,
Как ресницы окаймляют око,
Там, где воют бури и метели,
Там, где духи горные гнездятся,
Где крылами тихо плещут вилы, —
Там, собрав ударные отряды,
Их к походу Петр подготавливает,
Чтоб могли сразиться черногорцы
С дикою фашистскою ордою,
Не щадя ни сил своих, ни жизни,
Отстоять в бою кровопролитном
Землю Черногории святую,
Честь ее, и счастье, и свободу.

---

¹ Суторман, Дурмитор, Стийена, Овруч — названия гор.

Кто не знает, как славен Петр Дабшевич,
Кто не слышал о народном герое!
Там, где тучи ходят над вершинами,
Где одни орлы-нелюдимы
Поднимаются вровень с ледниками,
Он живет над пропастью бездонной,
В ледяной неприступной пещере.
И оттуда Москве он внимает,
Величавые слушает речи.
И среди гранитов поседелых,
На вершинах Черногории родимой,
Где родился отец его и умер,
Где знаком ему с детства каждый
камень,
Он накапливает новые силы.
Черногорские суровые теснины,
Меж утесами грохочущие реки,
Дедами завещанная доблесть
Закалили сердце молодое.
Здесь собрал он сильную дружину, —
Все, как на подбор, герои,
Все славяне, высокие красавцы.
Водопады и шумные потоки,
Вторя птицам, поют им песнь свободы,
И для них неприступные ущелья
Украшаются яркою травой.
И для них, словно голубь, над снегами
Поднялось белокрылое солнце
И над храброю юнацкою дружиной,
Словно огненное знамя, заалело:
Петр Дабшевич явился пред войском...

Послесловие

Кто ни в цепях, ни в смертельном бою

Не потеряет любовь свою,
Кто не щадит ни крови, ни жизни,
Тот знает цену любви к отчизне.
Сквозь горечь изгнанья и тайных слез
Мою любовь я свято пронес.
И если в торжественном, праздничном хоре

Сольются народы славянские вскоре,
Встречая гимном победные дни,
Пусть мой песню помянут они.
Пусть помянут добрым словом
Юнака с сердцем простым и суровым,
Который с Дабшевичем шагал
По горным тропам, среди ущелий и скал.
Я бился за вольность народа родного.

Чтоб розы цвели в Черногории снова,
Чтоб мог я с подругою молодой,
Как прежде, всходить на Дурмитор седой,
Чтоб мог я, овеян полдневною дремой,
Мечтать на скале, под чинарой знакомой,
Сказаньям внимать в тишине вечеров,
Друзей созывая под отческий кров.
Недаром страна моя кровь проливала, —
Цветы расцветут на горах, как бывало,
И вилы, собираясь у пенистых вод,
Есною опять поведут хоровод.
И девушки выйдут на горные склоны,
К ручью голубому под явор зеленый —
Юнака украсить душистым венком,
И сыр преломить и запить молоком,
И песню запеть про былые победы,
Как пели отцы и отважные деды,
И песнею звонкой Петра повстречать,
И с нежной Джурджиной его обвенчать.

*Перевел с сербского
В. ЛЕВИК*

Редактор Б. Евгеньев.

Подписано к печати 19/VII 1943 г.
1,5 печ. л. 1,65 уч.-изд. л.
Л46513. Тир. 25 000 экз. Зак. 746:
42000 зн. в печ. л.

Цена 1 р. 50 к.

Фабрика юношеской книги
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия».
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.